

Гоудань с легким недоумением разглядывал стоявшую перед ним крошечную двоюродную сестру. Это была младшая дочка его пятого дяди, девочка трех-четырёх лет от роду. С каких-то пор она прознала, что Гоудань — ее двоюродный брат, и теперь при каждом удобном случае спешила к нему навстречу. На девчужке были только короткие ситцевые трусики; голышом по пояс, босая, да еще и обрита матерью налысо. Не зная Гоудань, кто она, наверняка принял бы ее за мальчишку.

— Ну и чернавка, — с притворной досадой проворчал он.

Гоудань полез в карман и выудил мятный леденец. Малышка тут же расплылась в беззубой улыбке и звонко лепетнула:

— Братик!

Она ловко выхватила сладость, привычным движением развернула фантик, запихнула конфету в рот и смешно раздула щеку.

Двоюродные братья дружить с Гоуданем не хотели — никто из них не горел желанием возиться с задирой, а кузины при его появлении и вовсе испуганно жались по углам, будто он собирался их поколотить. И только эта пигалица росла то ли отчаянно храброй, то ли попросту безрассудной.

— Вот ведь егоза, — качая головой, сказала проходившая мимо женщина. — Ты ей как-то раз дал конфету, так она и запомнила, что ты ее брат. Теперь, как завидит тебя, сразу со всех ног бежит.

— Ага, прямо как наши Дагуай с Сяогуаем, — усмехнулся Гоудань, легонько потрепав девчужку по бритой макушке. — Ну ладно, беги играй, нечего за нами хвостом ходить.

Малышка послушно остановилась, потрогала свою гладкую макушку и проводила парней взглядом до самой окраины. А потом припустила к стайке деревенских ребятишек, затеявших игру в дочки-матери. Растопырив крошечные ладошки, она невнятно прошамкала сквозь набитый рот:

— Конфета... Всё, нету больше.

Остальная детвора шумно сгнула, завистливо глядя на ее раздувшуюся щеку.

Гоудань давно уже не совался в дела обитателей старого дома семьи Ли. За последние несколько лет там успела народиться целая орава ребятишек. Вот и эта мелкая сестренка — едва научилась бегать, а уже носится наравне с мальчишками, чумакая и загорелая. В большой семье детей растили без лишних нежностей, предоставляя самим себе — при таком количестве ртов уследить за каждым попросту невозможно.

Как-то раз Гоудань стоял на улице с Дачжуаном и остальными ребятами постарше, а рядом сцепились в драке малыши. Среди них отчаянно тузила соперников и эта сестренка — крошечная, но на редкость боевая. Гоудань тогда удивленно спросил:

— Это еще чей сорванец?

Ребята покатались со смеху:

— Да это же дочка твоего пятого дяди! Кажется, Сянсян зовут. Гляньте на нее, такая же черная, каким ты сам в детстве был. Вылитый ты!

Гоудань и сам рассмеялся. Маленьким он действительно рос худым и чернявым от загара. А Сянсян мало того что была смуглой, так ее еще и стригли наголо, наряжая в одни трусы — немудрено перепутать с пацаном.

Дачжуан тогда пояснил:

— Да у нас всех мелких так стригут. И вшей меньше, и возиться с прическами некогда.

Тогда Гоудань шутки ради протянул шныряющей неподалеку Сянсян мятный леденец. И всё, девчонка смекнула, что этот двоюродный брат — источник невиданных щедрот. С тех пор стоило Гоуданю показаться на улице, она мчалась к нему через всю дорогу и крутилась рядом.

Леденцы у Гоуданя теперь водились всегда. Как только пошли первые заработки, он повадился заглядывать в Снабженческо-сбытовой кооператив и закупаться сладостями. В карманах у него постоянно лежало несколько штук — трата копеечная, зато сколько радости. Иногда он и сам закидывал конфету за щеку и смаковал часами. Должно быть, это была детская обида или несбыточная мечта, но Гоуданю до сих пор казалось, что ничего слаще и лучше конфет в мире нет.

Стояло жаркое лето. В лесу вовсю буйствовала зелень. Идти в горы в такую пору — сомнительное удовольствие: в чаще стояла душная, влажная теплынь, а комарье и гнус буквально заживо сжирали любого путника. Пусть парни и вышли пораньше, солнце уже успело высушить утреннюю росу на траве. На каникулах постоянно подворачивались какие-то дела, так что выбраться в лес им удалось только сегодня.

За последние годы жители деревни Сикань и соседних деревень усердно распахали все пологие склоны под пашни. Там, где в детстве мальчишки ловили белок и гоняли диких кур, теперь зеленели ровные полосы полей. Лишь далекие вершины оставались нетронутыми — склоны там были слишком крутыми для земледелия, поэтому они манили густой, первозданной зеленью. Вся лесная живность давно откочевала туда, в глубокие чащи.

В детстве соваться в те дебри они побаивались, да и нужды не было — хватало и окрестных

перелесков. Теперь же, когда у подножия раскинулись колхозные угодья, приходилось продвигаться вглубь. Впрочем, нынешний Гоудань глухой тайги уже не страшился.

— Надо же, тропинка, которую мы в прошлый раз прорубили, совсем заросла, — заметил Гоудань, оглядываясь. — Ветки махом вымахали.

— Попробуем поискать другие лазейки, — отозвался Ван Сюань. — Здесь ведь ходят местные охотники, должны остаться хоженные тропы.

Они шли вперед, то и дело пуская в ход ножи, чтобы расчистить путь от свисающих веток и дикого винограда. Горы красивы лишь издалека; когда подходишь вплотную, понимаешь, как нелегко дается каждый шаг вверх. Помимо вековых деревьев, путь преграждали переплетенные лианы, колючий кустарник и густой подлесок — сплошная живая стена без единого просвета.

Обычно люди пользовались звериными тропами, но это таило в себе немалую опасность. Звери ходят своими извечными маршрутами, метя их запахом, и столкнуться лицом к лицу с хозяином тайги на такой узкой тропе — верная гибель. Человеку трудно тягаться с диким хищником в его родной стихии.

Ван Сюань сорвал росший у самой земли узкий сочный стебель и принялся толочь его в небольшой ступке. Наружу проступил темно-зеленый сок со специфическим, резким запахом.

— Намажь на открытую кожу, иначе гнус загрызет. Заодно и наш человеческий запах перебьет.

— Духота невыносимая, — пробормотал Гоудань, вытирая пот со лба. — Кругом деревья, трава, а жарит ничуть не меньше, чем дома под старым вязом.

— Слишком густые заросли, ветру негде разгуляться. Вот поднимемся к кронам — там сразу полегчает.

Ван Сюань посмотрел на взмокшего Гоуданя. Закончив возиться со своей ступкой, он бережно растер пахучую кашицу сначала по своим рукам, а затем принялся тщательно втирать ее в шею и плечи друга.

— Ох, ну и злющие тут комары! — Гоудань шлепнул себя по шее.

Тамошний гнус кусался немилосердно, не то что домашние комары, которые сосали кровь тихонько, пока их не прихлопнут.

Гоудань шагал впереди, прорубая просеку, а Ван Сюань внимательно посматривал по сторонам. Если попадалось полезное лекарственное растение, он аккуратно срезал его и складывал в заплечную корзину.

— Слушай, Ван Сюань, это ведь ловушка? — Гоудань остановился и указал на подозрительно ровный участок земли перед собой.

Ван Сюань присмотрелся.

— Она самая. Похоже, здесь замаскирован тяжелый капкан.

В глухом лесу следовало держать ухо востро. Помимо ядовитых гадов и диких зверей, больше всего стоило опасаться именно таких находок.

— И ведь никакой отметки не оставили, сволочи. Обычный человек пойдет — без ног останется.

Тяжелые охотничьи капканы — штука страшная. Сила удара у них такая, что не просто зверя удержит, а человеку кость в крошево раздробит. Мелкими железными ловушками промышляли зайцев, а на крупное зверье, вроде кабанов, ставили огромные кованые капканы с мощными пружинами. Некоторые люди в своей жадности совсем совесть теряли. Пусть в эти чащи заглядывали редко, но все же забредали деревенские — кто за хорошей древесиной для строительства, кто за досками на сундуки. Оставить здесь такую ловушку без предупреждения — чистое вредительство. Наступишь по незнанию — и поминай как звали.

— Давай снимем его.

— Не просто снимем, а заберем с собой. Раз уж хозяин такой ушлый, пускай поплачется без снасти. Посмотрим, на сколько его хватит.

Подобные капканы предназначались для серьезной добычи — чаще всего на кабанов или других крупных хищников.

— Самое подлое, что ни затеса на дереве не сделали, ни вешку не поставили, — возмутился Гоудань. — Спрятали так, что не приглядишься я вовремя — точно бы ввалился.

Охотничий закон велел ставить заметные предупреждения рядом с опасными ловушками — делать глубокие зарубки на стволах или втыкать приметные ветки. Чтобы любой случайный путник за версту видел: сюда соваться нельзя, впереди опасность!

Гоудань поднял увесистый булыжник и с силой швырнул его в самый центр подозрительного круга.

Раздался резкий железный лязг. Замаскированный под тонким слоем земли и листьев капкан мгновенно сработал. Острые стальные зубья с глухим стуком сомкнулись, раздробив крепкий камень почти наполовину.

— Силен, зараза, — покачал головой Гоудань. — Попадись туда нога — костей бы не собрали.

Чтобы разжать такую пружину, требовались усилия двоих взрослых мужчин со специальными рычагами. Одному человеку с этим ни за что не справиться. А чтобы раненый зверь не уволок дорогую снасть с собой, капкан обычно намертво приковывали прочной цепью к стволу векового дерева.

Человек в своей жестокости порой превосходил любого лесного хищника.

Если одинокий путник угодит в такую ловушку в глухой чаще, он обречен на страшную смерть. Помощи ждать неоткуда, кричи не кричи — никто не услышит. Пытаясь освободиться, человек лишь сильнее разорвет мышцы и сухожилия острыми зубьями. А цепь не позволит даже отползти. Так и останется несчастный истекать кровью под деревом, пока не найдут... или пока дикое зверье не придет на запах.

В деревнях подобные бесчеловечные методы были под строгим запретом. Даже те, кто промышлял браконьерством втайне от начальства, обязаны были метить места установки ловушек. Это было неписаным правилом для всех, кто кормился с леса.

Гоудань аккуратно наступил на стальные дуги с обеих сторон и налег всем телом. Зубья со скрежетом разошлись, освобождая обломки камня. Капкан снова щелкнул, смыкаясь вхолостую. Гоудань потянул за цепь, уходящую к корням дерева, достал из своего пространственного кармана тяжелый вороненый топор и с одного размаха перерубил железные звенья.

После этого он без лишних разговоров отправил весь капкан вместе с остатком цепи в свой пространственный карман. Там уже скопилось немало всякого добра, так что лишняя железка карман не оттянет.

— Замаскируем это место обратно. Пускай думают, что капкан цел, просто зверь мимо не проходил.

— Скорее всего, это умельцы из деревни за северным склоном промышляют, — предположил Ван Сюань, оглядываясь. — У нас в деревне Сикань заправских охотников нет, наши в такую глушь не суются, разве что за строевым лесом.

— Да какая разница, кто. Раз правил лесных не знают — пусть пеняют на себя.

Продвигаясь дальше, парни обезвредили еще несколько подобных ловушек.

— Ишь, как раздухарились, — усмехнулся Гоудань, взвешивая в руке очередную добычу. — Одной ловушкой не обошлись, целую сеть разложили.

— Ну, сегодня они знатно потратились.

Хороший кованный капкан стоил немалых денег. Для его изготовления требовалась качественная сталь и работа опытного кузнеца, которую не каждый мог себе позволить. Теперь, когда строгий контроль за угодьями немного ослаб, ушлые люди обнаглели — надеялись набить брюхо дичью или выгодно сбыть мясо из-под полы.

— Давай здесь остановимся, — Ван Сюань запрокинул голову, щурясь на солнце через просветы в кронах.

Они вышли рано утром, и теперь время близилось к полудню. Они забрались достаточно глубоко, но соваться в самую сердцевину гор Гоудань не спешил — береженого бог бережет.

— Раз тут ручей, значит, и зверье на водопой ходит, — рассудил Ван Сюань. — И хищники помельче крутятся. Место идеальное, и не сказать чтобы слишком опасное.

Гоудань ловко полез на раскидистое дерево. Ван Сюань крикнул снизу:

— Осторожнее там! Гляди, чтоб змеи на ветках не было!

— Не беспокойся, всё чисто.

Гоудань внимательно осмотрел развилку. Ветви здесь росли густо, сухие и прочные, без паразитов и ядовитых гадов. Место отлично подходило для небольшого настила. Дерево было вековым, с мощными боковыми сучьями. Если закрепить между двумя параллельными ветвями крепкие жерди, а сверху настелить сухой соломы, получится отличная лежанка, где можно переждать непогоду или заночевать. Чуть выше, примерно в метре от настила, можно соорудить подобие двускатной крыши из веток и обвязать соломой — тогда ни проливной дождь, ни палящее солнце будут не страшны.

— Говорят же, что в грозу под деревьями прятаться нельзя, — заметил снизу Ван Сюань.

Гоудань задумался на секунду.

— В грозу — пожалуй. Зато от солнца укроет знатно. Да и если кто в лесу заплутает и дотемна выбраться не успеет, на таком настиле переночевать куда безопаснее, чем на голой земле среди хищников.

— Тоже верно. Только захочешь ли ты сам делиться своим убежищем с чужаками?

— Мы же тут не жить собираемся. В такой глуши встретить человека — редкая удача. Пускай пользуются на здоровье, нам не жалко. Тем более мы об этом и не узнаем. Ну как там у тебя

внизу?

— Почти закончил.

Помимо нехитрых силков вокруг лагеря на случай внезапного визита лесных гостей, Ван Сюань щедро рассыпал вокруг ствола пахучий порошок собственного приготовления. Это средство гарантировало, что ни ядовитые змеи, ни докучливые насекомые к их дереву и близко не сунутся. Каждый занимался своим делом: один обустраивал ночлег, другой отвечал за безопасность. Слаженная работа, проверенная годами.

<http://bllate.org/book/19654/1996729>